

Т. В. КАИНДИНА (Омск)
Исторический архив Омской области

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 Г. В ОМСКЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Аннотация: В данной работе показаны воспоминания свидетелей и непосредственных участников событий 1917 г. в Омске как один из источников для их изучения и получения, совместно с другими источниками, более целостного представления об этом периоде.

Ключевые слова: революция, митинги, Омск, большевики, меньшевики, эсеры, мемуары.

T.V. KAINDINA (Omsk)
Historical archive of the Omsk region

THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 IN OMSK IN MEMOIRIES OF CONTEMPORARIES

Annotation: In this paper, memories of witnesses and direct participants of the events of 1917 in Omsk are shown as one of the sources for their study and obtaining, together with other sources, a more holistic view of this period.

Keywords: revolution, rallies, Omsk, Bolsheviks, Mensheviks, Socialist-Revolutionaries, memories.

Одним из источников, по которым мы можем представить прошлое, являются воспоминания людей, живших в то время. При этом необходимо помнить, что как бы ни старались их авторы быть объективными при описании тех или иных событий, воспоминания всегда носят субъективный характер. Как писала З. Л. Венцкович-Лигети: «... каждый человек стоял на каком-то месте, с которого и видел события. Естественно, что каждый видел часть целого, может подать часть этой самой правды. Любое количество людей – до конца правдивых, до конца честных, - рассказывая об одном деле, в котором они принимали живейшее участие, все же расскажут далеко не одно и то же. Все говорят чистейшую правду, а рассказы – разные... Говоря о далеком прошлом, люди рассказывают с позиции сегодняшнего дня, сегодняшнего понимания былых дел [1]. Но, несмотря на специфичность данного вида источников, воспоминания дают живое представление об эпохе, ее атмосфере, в сочетании с другими документами, они по фактам и мелким деталям помогают воссоздать конкретно-историческую картину прошлого.

Благодаря деятельности Омского Истпарта и партархива по сбору документов по истории Октябрьской революции и Гражданской войны фондах Исторического архива Омской области имеется довольно много воспоминаний

о деятельности большевиков после октября 1917 г., борьбе с антибольшевистским движением, об освобождении Омска от белогвардейцев. Но воспоминаний о революционных событиях в Омске периода Февральской революции и двоевластия не так много. Среди них можно выделить мемуары, которые находятся в личных фондах ветеранов партии А. Н. Дианова, А. А. Карлова и А. П. Оленича-Гнененко. Эти люди были активными участниками тех событий. В воспоминаниях А. Н. Дианова и А. А. Карлова, которые в 1917 г. были большевиками, в первую очередь рассматривалась деятельность этой партии, которая, несмотря на свою малочисленность в начале года, уже ноябре 1917 г. сумела получить большинство в Омском Совете и в декабре взять власть в свои руки. Что касается А. П. Оленича-Гнененко, то большевиком он стал позже, а в 1917-1918 гг. был лидером омских эсеров. Публикация его воспоминаний «Суровые дни» (в 1958 г. они вышли в журнале «Сибирские огни», в следующем году были опубликованы Новосибирским издательством) вызвала огромное негодование среди омских ветеранов партии, о чем свидетельствует переписка, имеющаяся в их личных фондах. Ему ставилось в вину, что он принизил роль большевиков в установлении советской власти в Омске, отдав ведущую роль меньшевикам и эсерам [2]. Но даже после всех нападок и заявления, что он перепишет свои воспоминания в соответствии со всеми замечаниями, он утверждал, что меньшевики-интернационалисты и эсеры, несмотря на то, что «в относительно мирные периоды нападали на большевиков с истерической интеллигентской критикой, но в моменты острой угрозы со стороны контрреволюции честно выступали против нее вместе с большевиками» [3].

Записки М. А. Столповского отличаются от воспоминаний ветеранов партии. Написанные, очевидно, по просьбе его друга, известного омского краеведа А. Ф. Палашенкова (в воспоминаниях он не раз обращается к нему, и хранятся они в личном фонде А. Ф. Палашенкова) они большей частью были посвящены дореволюционному Омску и деятельности городской управы, где Столповский служил. Революционным событиям 1917 г. были посвящены записи в последней тетради (всего их три). Будучи беспартийным, он не принимал непосредственного участия в революционной борьбе, а вспоминал только то, что ему было интересно, и с чем сталкивался непосредственно сам.

По официальным источникам информация о событиях в Петрограде в Омск поступила 1 марта. «Вестник Омской железной дороги» подробно писал об этом: «Уже с 12 часов дня 1-го марта по городу распространились слухи о важных событиях, происходящих в Петрограде. Слухи эти подтвердились телеграммой нового временного правительства, полученной редакцией «Омского вестника» в 7 ч. вечера... В 9 ч. утра в редакцию поступили дополнительные депеши о событиях в Петрограде. Эти телеграммы вместе с той, которая была получена накануне, были напечатаны во 2-м выпуске, который был отпечатан в 1 ч. дня» [4]. А. А. Карлов пишет, что весть о падении самодержавия была получена 28 февраля 1917 г. железнодорожным телеграфом как лучшей в то время связью между Омском и Петроградом [5]. В других воспоминаниях, в том числе у Столповского, дата появления первых сведений о петроградских событиях не указывалась. Скорей всего, первые известия пришли в Омск действительно

28 февраля, так как именно в этот день с разрешения Родзянко депутатом Думы А. А. Бубликовым как комиссаром Временного комитета Госдумы было разослано обращение к железнодорожникам, в котором говорилось, что Комитет Госдумы взял в свои руки «оборудование новой власти». Как только были получены известия о событиях в Петрограде и Москве, начальник омского гарнизона генерал Гнидо издал приказ об усиленном патрулировании по городу и установке пулеметов на единственном мосту через Омку, чтобы не допустить объединения солдатских масс в разных частях города с рабочими-железнодорожниками. Но, как известно, в Омске переворот прошел без кровопролития. Дианов писал, что было несколько случаев расправы с офицерами, от которых солдатам не было житья; Столповский тоже упоминал об одном из таких случаев, когда солдаты на Любинском проспекте чуть не убили полковника, который, как оказалось, за несколько дней до переворота наказал шомполами нескольких солдат. Но это были единичные случаи, в целом же, как говорилось выше, смена власти произошла мирно.

О том, с каким ликованием встретили омичи известие о падении самодержавия, писал Столповский: «Первые три дня с утра до вечера к городской управе подходили военные части, рабочие, служащие засвидетельствовать преданность новому правительству. Зрелище было величественное: музыка, пение революционных песен, радостные лица, крики «Ура!» [6]. Совсем по-другому описывает проходившие митинги А. А. Карлов: «На этих митингах, где в то время преобладала серая солдатская масса с мелкобуржуазным уклоном, чувствовалось эсеровское преобладание, подслащенное меньшевистской болтовней. Демагогия кадета Жардецкого, поддержанная эсером Дербером и другими, связанная с травлей большевиков как изменников Родины, шпионов, продавшихся германскому империализму, кайзеру, находила благодатную почву и укрепляла позиции меньшевиков и эсеров на этих собраниях. Большевики на этих собраниях, надо сказать откровенно, из-за своей слабости не выступали, они шли в рабочую гущу, где их рабочий язык был более понятен и быстрее пускал корни» [7].

Важным событием в жизни города стал арест высших чиновников старой власти. «Вестник Омской железной дороги» писал: «В двенадцатом часу ночи Совет рабочих депутатов вынес свое решение: арестовать представителей старой преступной власти и заменить ее представителями первой демократической власти. Приведение в исполнение этого постановления Совет поручил своему Исполнительному комитету. Исполнительный комитет в полном своем составе перешел в помещение городской управы, где и заседал совместно с Коалиционным комитетом. На этом заседании были намечены лица, подлежащие аресту, и выработан план этих арестов... Ранним утром 4 марта были проведены аресты» [8]. В этом же номере в заметке об аресте начальника края указывалось время – 5 часов утра и говорилось, что арест проводился двумя ротами солдат 20-го Сибирского стрелкового полка [9]. Но по имеющимся воспоминаниям аресты были проведены глубокой ночью. Об этом писал А. Н. Дианов, принимавший непосредственное участие в аресте Сухомлинова: «По решению Совета группа солдат в 7 человек (авт. – не 2 роты, как писал «Вестник») в ночь

на 4 марта подошла к дворцу генерал-губернатора. Охрану дворца в эту ночь осуществлял наряд от 20-го стр. полка, который был почти целиком революционно настроен. Начальнику караула мы сказали цель своего прихода. Караульный начальник нас пропустил без препятствий, а внутри стоящая охрана, увидев рабочих с красными повязками и офицера, пропустила и даже указала спальню Сухомлинова. Поднявшись на второй этаж, Немчинов постучал в спальню губернатора. Приоткрывшему дверь в ночном белье старику-губернатору мы объявили об аресте. – Сейчас оденусь... Ждем. Проходит 10 минут. Выходит из спальни одетый генерал. Берем его в кольцо и сопровождаем в здание управы. Вскоре туда привели начальника гарнизона генерала Гниду (о нем солдаты говорили: «По шерсти собаке и кличка дана»). Привели начальника жандармов полковника Козловского (авт. – Дианов ошибся, начальником Омского жандармского управления тогда был Н. Н. Козлов). Привели военного прокурора округа. Привели председателя окружного военного суда. Утром увели всю компанию в тюрьму и рассадили по разным камерам» [10].

М. А. Столповский также писал о ночном аресте Сухомлинова, но уже со слов Немчинова, с кем он встретился утром 4 марта в управе: «Мы поздравили его с блестящим успехом и попросили его рассказать, как он арестовал Сухомлинова. Немчинов охотно рассказал. Немчинов в глухую полночь вывел свою роту на улицу, где костел. Отсюда он повел наступление на дворец по всем правилам военного искусства (перебежка ползком, укрытие в снегу) (авт. – Столповский писал, что у генерал-губернаторского дворца были выставлены пулеметы, да и охрана его считалась надежной). К дворцу подошли незаметно, быстро обезоружили двух часовых у входа во дворец и так внезапно напали на караульное помещение, что никто из охраны не успел взяться за оружие. Обезоружив караул, Немчинов с двумя или тремя солдатами осторожно направился к спальне Сухомлинова. У спальни стоял казак. Разоружив казака, Немчинов вошел в спальню... Сухомлинов спросил, что будут с ним делать? Он очень был расстроен, дрожал, не мог одеться, ему помогли одеться. Около трех часов ночи Немчинов привел его в управу. Операция эта продолжалась часа три. Днем его и жандарма-полковника из управы куда-то перевели» [11].

Утром, придя на работу в управу, Столповский видел арестованных Сухомлинова, сидевшего под охраной в кабинете зам. городского головы Н. М. Галкина, и Козлова, сидевшего в комнате отдела народного образования, у дверей которой также стоял часовой. «Публика подходила к дверям, останавливалась, нахально рассматривала, смеялась и отпускала по их адресу какие-нибудь колкие словечки» [12].

Буйная фантазия об описании ареста Сухомлинова разыгралась у Оленича-Гнененко, который сам в данном событии не принимал участия. Он писал, что последнего генерал-губернатора и наказного атамана ранним мартовским утром 1917 г. арестовали омские рабочие и отправили под конвоем в Петроград вместе с найденными у него при обыске порнографическими фотографиями и склянками патентованного лекарства от дурной болезни [13].

Работа новых органов (Совет и Исполком, Коалиционный комитет гордумы) периода двоевластия рассматривалась как «говорильня»: большинство

заседаний были дискуссиями о том, кто должен быть у власти, произносились длительные, многочасовые речи. До осени 1917 г. омские большевики не имели большинства в Совете. Как отмечал А. А. Карлов, в Февральскую революцию партийная организация Омска (авт. – речь о большевиках) была малочисленна – он даже упрекал Омское издательство в том, что оно допускает грубые неточности в сторону ее увеличения [14].

Вообще, официально в 1917 г. в Омске существовала объединенная парторганизация РСДРП, окончательный раскол и создание Омской организации РСДРП(б) произошло только в октябре 1917 г. К этому времени популярность большевиков в народе значительно выросла, но в Совете, который возглавлял меньшевик-интернационалист К. А. Попов, они еще по-прежнему не имели большинства. Поэтому не совсем понятно утверждение А. А. Карлова, что в период между Советами типа Керенского и большевистскими (авт. – период двоевластия) большевики Омска вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с контрреволюцией. Речь шла о подавлении восстания 2-й Омской школы прапорщиков (как его еще называют, юнкерского восстания). О нем подробно написано и у Дианова, и у Карлова – оба они принимали в его подавлении непосредственное участие. Оленич-Гнененко, рассказывая о восстании, писал о ревкоме, который руководил его подавлением. В состав ревкома входили не только большевики, но и меньшевики-интернационалисты К. А. Попов и Богданов, и сам он как представитель левых эсеров-интернационалистов. Естественно, что этот рассказ вызвал негативную реакцию, так как согласно господствующей в советское время точке зрения и меньшевики, и эсеры были уже врагами советской власти. Хотя тот же Карлов писал, что для подавления восстания 2-й Омской школы прапорщиков был организован революционный комитет во главе с К. А. Поповым [15].

Вообще же, надо отдать дань А. П. Оленичу-Гнененко, который, несмотря на обвинения в свой адрес, защищал К. А. Попова – председателя первого Омского совдепа, стоявшего в 1917 г. на позиции меньшевиков-интернационалистов. Так, в ответ на совместное обвинительное письмо А. Н. Дианова, Н. А. Козика, И. Г. Залепина и М. И. Дьякова он писал: «Что касается отдельных личностей, которые в тот период членами большевистской партии не были, но боролись в самые острые моменты вместе с большевиками за революцию против контрреволюции, речь идет, прежде всего, о Константине Андреевиче Попове, то я не имею права искажать исторической действительности и умалчивать о том, что К. А. Попов в дни подавления мятежа юнкеров 2-й Омской школы прапорщиков был одновременно председателем Омского Совета рабочих и солдатских депутатов и Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии, куда входили большевики, и действовал вместе с большевиками. В связи с тем, что имя К. А. Попова, необъективно и несправедливо, по существу ставится в один ряд с контрреволюционером – лидером кадетов Жардецким, я считаю своим долгом решительно возражать против такой огульности по отношению к Попову» [16].

18-20 ноября 1917 г. состоялись выборы в новый Совет, в результате которых за большевиков проголосовала подавляющая часть избирателей,

30 ноября Совет произвел выборы исполкома, а 12 декабря на заседании узкого актива большевиков под председательством В. М. Косарева, был избран президиум исполкома. Так, 12 декабря 1917 г. сформировалась исполнительная власть. Этот день, как писал А. А. Карлов, и надо считать официальным днем утверждения советской власти в Омске.

Библиографический список

1. ГИАОО. Ф. П–568. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.
2. ГИАОО. Ф. П–626. Оп. 1. Д. 14. Л. 53.
3. Там же.
4. Вестник Омской железной дороги (Омск). 1917. 18 марта. С. 93.
5. ГИАОО. Ф. П–633. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.
6. Там же. Ф. Р–2200. Оп. 1. Д. 1883. Л. 52.
7. Там же. Ф. П–633. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.
8. Вестник Омской железной дороги (Омск). 1917. 18 марта. С. 93.
9. Там же. С. 94.
10. Там же. Ф. П–598. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.
11. Там же. Ф. Р–2200. Оп. 1. Д. 1883. Л. 54.
12. Там же.
13. Там же. Ф. П–626. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
14. Там же. Ф. П–633. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.
15. Там же. Д. 19. Л. 17.
16. Там же. Ф. П–626. Оп. 1. Д. 14. Л. 18, 19.